

Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии

IRINA VLADIMIROVNA KUZNETSOVA

*I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Karl Marx St. 38,
RU – 428000, Cheboksary, irinak47@yandex.ru*

CHMELEVSKIY MIKHAIL SERGEEVICH

*Saint-Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 11,
RU – 199034, Saint-Petersburg, chmelevskij@mail.ru*

1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article

V članku so predstavljene in analizirane frazeološke enote v jeziku bosanskih muslimanov s sestavinami orientalskega izvora, ki označujejo človeka. Upoštevane so starinske in sodobne jezikovne enote. Z jezikovnega in kulturnega vidika so raziskani in komentirani izrazi, ki označujejo osebe in določajo njihov intelekt, naziv, položaj, poklic itd. ter se danes aktivno uporabljajo v govorjenem sodobnem jeziku v muslimanski Bosni in na slovanskem Balkanu. Rezultat petstoletne prevlade Otomanskega cesarstva na Balkanskem polotoku je na jezikovni ravni prevzeta leksika iz staroosmanskega (staroturškega) jezika, ki je postal izvorni jezik posrednik, prek katerega so južnoslovanska ljudstva prevzemala arabizme in persizme, skupaj z njimi pa se v jeziku odraža tudi del vzhodne kulture, njena miselnost in vsakdanje življenje.

The authors discuss phraseological units of Bosnian Muslims with a semantically similar component such as an anthroponym of Oriental origin. The authors deal with both outdated phraseological units and those that are actively used nowadays. Due to the vastness of Oriental origin as a special genetic layer of South Slavic vocabulary, the authors analyse the expressions that denote a person in such aspects as intellect, title, position, occupation, etc., which are frequently used by Slavic Muslimsh, who live in Bosnia and Herzegovina and in the region of the Slavonic Balkans, in their everyday speech. The result of the five-century domination of the Ottoman Empire in the Balkan Peninsula is borrowing from the Old Ottoman (Old Turkish) language, which became both the source language and (often) the intermediate language through which Arabisms and Persisms entered the South Slavic recipient languages with part of Oriental culture and realities of everyday life.

Ključne besede: frazeologija, južnoslovanski jeziki, turški jezik, Bosna in Hercegovina, orientalski prevzeti leksemi, knjižni jezik, narečja, antroponimija

Key words: phraseology, South Slavic languages, Turkish language, Bosnia and Herzegovina, oriental lexical loanwords, standard language, dialects, anthroponym

0 Введение

Словарная дефиниция лексемы *ориентальный* (от лат. *orientalis*) – ‘восточный, свойственный странам Востока’ (СИС 1998: 351). К ориентализмам обычно относят заимствования из тюркских, а также персидского и арабского языков (Бушеева 2006: 25). Процессу заимствования южными славянами тематически разных ориентализмов способствовали многовековые исторические события и тесные языковые контакты. Речь идет об использовании турецкого языка в административной и образовательной сферах, проникновение арабизмов посредством турецкого, использование арабского языка в религиозной сфере, а также персидского языка как языка поэзии славянами, принявшими в 15–17 вв. ислам (Хмелевский 2015: 78). Итог пятивекового владычества султанской Турции на Балканах – заимствования, обозначающие реалии, пришедшие вместе с принятием ислама или османской культурой и традициями в языки южнославянских народов. Как отмечает И. А. Седакова, «наличие турцизмов – существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз. Изучение турцизмов, по мнению многих ученых, является одной из самых актуальных задач балканистики» (Седакова 2014: 557). Это относится и к их использованию в качестве компонентов фразеологических единиц (ФЕ).

Целью настоящего исследования является выявление ориентализмов, называющих человека, в составе ФЕ в языке боснийских мусульман, принявших в средние века ислам и вследствие этого впитавших мусульманскую культуру, реалии и традиции. Роль ориентальной лексики в формировании образности ФЕ показана в лингвокультурологическом плане. Актуальность обусловлена тем, что в наши дни «впервые делается вывод о том, что помимо традиционно принятых в науке понятий *Slavia Orthodoxa* (‘православная Славия’) и *Slavia Romana* (‘католическая Славия’) на Балканах с XV века начал формироваться третий мир – *Slavia Muslim* (‘мусульманская Славия’) со своим особым своеобразным и локально ограниченным менталитетом, культурой, религией и языком» (Савченко, Хмелевский 2020: 546).

Мусульманские анклавы современной Боснии и Герцеговины представляют собой уникальный феномен в общеславянском мире, где многовековое проникновение восточной культуры вместе с религией и культурой сформировало особый славянский народ – боснийские мусульмане, или как еще их называют – бошняки. Глубокая культурная традиция и непохожесть на других славян у народа в самом центре Балканского полуострова не может не вызывать интерес в кругах славистов как с лингвистической, так и культурологической точек зрения (Бодрова 2016: 594). Неповторимость и своеобразие мира *Slavia Muslim* является одним из предметов нашего исследования, в котором внимание уделяется лишь одному аспекту богатейшей культуры боснийцев, а именно – отражению их менталитета, образа жизни и быта во фразеологии, в частности во фразеологизмах с компонентом-наименованием человека ориентального происхождения. Несомненно, что многие из рассматриваемых в настоящей статье фразем известны и другим соседним народам, однако частотность их употребления и узнаваемость образности, скрытой в них, различна.

1 ФЕ с ориентализмами, называющими человека в плане интеллекта

Турцизм *budala* ‘глупец, дурак, ненормальный’ (< осм.-тур. *budala*, *büdelā*, *büdalā*) < араб. мн. *buladā* от ед. *balīd* ‘глупец, дурак’, ср. словенск. *norec*) настолько освоен многими южнославянскими языками, что давно уже не воспринимается как заимствование. Слово встречается во многих ФЕ, например: *praviti se budala* ‘казаться непонимающим, наивным или неучем, притворяться непонимающим, прикидываться дураком’; *glumiti budalu* ‘играть/строить из себя дурака’ (в переносном значении – ‘обмануть кого-н. в открытую, очевидным способом обвести вокруг пальца’); *(na)praviti od sebe (iz sebe) budalu* ‘издеваться, насмехаться над собой, намеренно делать из себя посмешище, дурачиться’; *(na)praviti koga budalom (od koga budalu)* ‘сделать/делать кого-н. дураком, посмешищем’. Приведем также ФЕ *šeret budala* ‘о том, кто намеренно прикидывается дурачком, чтобы безнаказанно сказать или сделать то, что хочется’ (ср. образ блаженного в русской культуре). Здесь слово *šeret* употреблено в значении ‘хитрый, изворотливый человек, ловкач, озорник, проказник, большой шутник, весельчак’; путь его заимствования: < осм.-тур. *şerret*, *şirret* ‘драчливый, беспокойный, непослушный, упрямый’ < араб. *šärr*, *šärrä* ‘зло’ (Šehović, Haverić 2017: 212). Эвфемизмами для слова *budala* часто являются имена людей: *Mujo* (уменьшительное от Мустафа) или *Haso* (уменьшительное от Хасан), *Fata* (от Фатима), что поддерживается литературой, фольклором и текстами анекдотического жанра о боснийцах. Так, в языке мы встречаем такую ФЕ, как *neka se svaki Hase brine za se* (букв. пусть каждый Хасо заботится/думает о себе) в значении ‘пусть не лезет / не сует нос в чужие дела’. *Ti si pravi Mujo!*; *biti kao Mujo* употребляется в разговорной речи со значениями ‘ты настоящий дурак’, ‘быть глупым’. В южнославянском культурном и комическом контексте это также синоним глуповатого человека, дурачка, отсюда и возник образ данной ФЕ (причем тур. *Hasan* < араб. *Hasän* ‘красавец, красавчик’). *Mujo* и *Haso* – два частотных и излюбленных персонажа южнославянских анекдотов, которые стереотипно ассоциируются у других славян с укладом жизни провинциального боснийца, что в действительности представляет собой концепт «свой – чужой». В частности, восприятие «чужого» как непонятного и поэтому человека как глуповатого, каковым он на самом деле не является, но стереотипно воспринимается таковым представителями других культур (Кузнецова 2019b: 435). Имя *Fata* в южнославянском фольклоре и анекдотах ассоциируется с глуповатой замужней женщиной, отсюда и возник устойчивый образ в разговорном языке боснийцев, который мы видим, например, в такой ФЕ, как *Fata u metrou* ‘провинциальная женщина в цивилизованном мире’ (ср. русск. ирон. *Пустите Дуньку в Европу*).

Нельзя не упомянуть и такое устойчивое сочетание, как *dvorska budala* ‘человек, всегда являющийся объектом насмешек’ (ист. ‘придворный шут’, в современном переносном значении ‘паяц’). Частотна также в современной речи боснийских мусульман и такая ФЕ, как *ispasti budala* – ‘глупо повести себя, неразумно поступить, чем оставить о себе впечатление как о человеке, который не знает, что он делает’ (Solak, Bašić 2019: 310). В связи с этим

приведем и псевдопословицу, где обыгрывается глагол *ispasti: bolje ispasti budala nego iz aviona* (букв. ‘лучше выпасть (оказаться) дураком, чем выпасть из самолета’ – игра слов).

Для негативной характеристики умственных способностей и интеллекта человека в разговорном языке боснийских мусульман фиксируется и экспрессивное *ahmak* ‘глупый, ограниченный человек, глупец, дурак, безумный’: *ne znati koliko ahmak* ‘абсолютно ничего не знать’. Слово *ahmak* заимствовано из старотурецкого языка, в который оно пришло из арабского (*ahmaq* ‘глупый, слабоумный, придурковатый; глупец, ненормальный, дурак, а также ‘своенравный, вспыльчивый’); оно известно и другим тюркским языкам: азерб. *ахмаг*, башкир., татар., уйгур. *ахмак*, казах., киргиз., туркмен. *акмак*, кумык. *агьмак*, узбек. *ахмок*, чуваш. *ухмах* (Егоров 1964: 280). Эта лексема встречается и в составе ФЕ других южнославянских языков, как, например, хорв. *Aktaku bre nijedan* или *Velika ahmaka, božc dragi!* (Škaljić 1966: 75).

Арабизм *mahnit* (< осм.-тур. *muannid* или *anūt, anūd* < араб. *mu'ānid* ‘своенравный, упрямый; упорный, настойчивый; делающий наперекор, непослушный’ или *anūd* ‘упрямый, делающий назло, наперекор’) имеет значения ‘придурковатый, слабоумный; сумасшедший, умалишенный; бешеный, взбешенный’ и частотен в компаративизмах южных славян. На боснийском языковом ареале лексема зафиксирована в жаргонном *trešten mahnit* ‘человек с неуравновешенным, неадекватным поведением’, где *treštav* ‘оглушительный, треснутый’, т.е. ‘не в своем уме’, где присутствует сема удара для приведения человека в состояние сумасшествия, бешенства, злости, раздражения или непонимания происходящего.

2 ФЕ с ориентализмами, называющими человека по должностям

Османцы принесли с собой новые военную и чиновничью иерархии. С системой администрирования в период османского господства связано немало титулов и должностей, некоторые из них встречаются в составе ФЕ.

Паша (paša) – один из высоких титулов в политической системе султанской Турции и некоторых других мусульманских странах и лицо, пожалованное этим чином. В Боснии турцизм *paša* – это не только историзм (< осм.-тур. *paša* ‘высокопоставленный чиновник, авторитетный гражданский и военный сановник в период Османской империи, паша; воен. ‘генерал’; морск. ‘адмирал’), но и (в переносном значении) ‘тот, кто живет в свое удовольствие, наслаждается беззаботной жизнью’, ‘главный в чем-л.’; в разговорном языке – ‘слово-обращение лицам мужского пола’ (Šehović, Haverić 2017: 217). Так, мы встречаем ФЕ *biti pravi paša* (Čaušević 1991: 382) – букв. ‘быть настоящим пашой, быть/жить как паша’, т.е. вольготно, беззаботно, в свое удовольствие, ни о чем не думая, в роскоши (ср. русск. *как царь, как король, как сыр в масле* или ФЕ *kao bubreg u loju*, которая употребляется как боснийскими мусульманами, так и сербами, и хорватами), или, напр., *živjeti/ponašati se kao pravi paša* – букв. ‘как настоящий паша’ (ср. русск. *жить на широкую ногу*, хорв., серб., босн. *živjeti na visokoj nozi*).

В разговорном языке употребляется ФЕ *smarašli Ali-paša* ‘о человеке, забывшем обо всех своих обязанностях (вплоть до бытовых дел, напр., *zaboravio je kupiti jogurt u trgovini, uraditi domaći zadatak* – букв. ‘купить кефир в магазине или сделать домашнее задание в школе’ и т.п.) и наслаждающемся настоящим моментом, сидя в кафе, попивая кофе или ракию’ (*smarašli* – производное от глагола *smarati* ‘бездумно наблюдать, быть уравновешенным, спокойным, смиренным’). ФЕ связана с историческим лицом XIX в., ставшим в сознании боснийцев легендой и именем нарицательным – Али-пашой Ризванбеговичем, принявшим ислам и получившим должность османского капитана. За помощь в подавлении боснийского восстания против Османской империи султан присвоил ему звание визиря и позволил выбрать любую область (санджак) для управления. Али-паша попросил выделить из состава Боснийского пашалыка Герцеговину; султан предоставил новому образованию большую автономию, а Али-паша стал его полунезависимым визирем. Однако, когда османские власти обнаружили, что Али-паша вынашивает планы управлять Герцеговиной независимо от Порты, он был низложен и казнен (Škaljić 1966: 311).

Ст.-осм., общетюркское *bek/beg* – ‘родоплеменной титул, звание или чин высокопоставленного человека’ (*bey* – титул родоплеменной, а затем феодальной знати. У османов это слово употреблялось как название титула высших офицеров и чиновников, также оно имеет значение ‘господин, состоятельный человек, военный предводитель’ (Šehović, Haverić 2017: 122). Почитание статуса бега в обществе ярко иллюстрирует устойчивое выражение *Neka je begaštvo, makar i budalaštvo* в значении ‘пускай так будет, главное, что это сделано бегом, даже если это и глупость’. ФЕ отражает быт бегов в Боснии, где доминировал следующий этический принцип: что бы бег ни сделал – это хорошо, непререкаемо, даже если это дурной, глупый поступок или решение. Лексема зафиксирована также в ФЕ *beg legne, paša ustane* (букв. когда бег ляжет /спать/, паша встанет /проснется/) в значении ‘не иметь никаких забот, быть беспечным’ (Čaušević 1991: 89).

Тюркизм *alajbeg* – исторически: 1) ‘начальник, крупный землевладелец в санджаке, т.е. административно-территориальной единице Османской империи, в частности Боснии’; 2) ‘командир военного отряда, полковник османского войска’; 3) ‘старейшина, руководитель, главный мастер эснафа, т.е. ремесленного цеха или общины’ (< осм. тур. *alaybeyi* – ист. ‘военная община людей, связанных одним феодальным правом на имущество, командир жандармского полка’). Прилагательное *alajbegov* ‘принадлежащее алайбегу’ (производное от турцизма *alajbeg*) встречается у боснийских мусульман в ФЕ *alajbegova slama* (букв. ‘солома алайбега’), т.е. ‘бесхозное имущество; то, что не имеет хозяина, о чем никто не беспокоится’ (Кузнецова 2019а: 74).

Прямое значение глагола *agovati* – ‘быть в статусе аги’ (от *aga* ‘зажиточный землевладелец, на которого работают другие’, ‘уважаемый турок: господин, хозяин, богатый человек’; в султанской Турции это титул военачальника или начальника некоторых групп придворных слуг (< осм.-тур. *ağa* ‘видный, влиятельный человек, господин, землевладелец, хозяин’ исторически это ‘звание, которое давалось некоторым офицерам’); переносное

– ‘бездельничать, наслаждаться жизнью в праздности’, ‘жить в свое удовольствие, блаженствовать, пребывая в богатстве; ничего не делать’. Сочетание двух глаголов-синонимов в ФЕ *agovati i blagovati* – ‘получать удовольствие от праздной жизни, ничем не заниматься’ подчеркивает высшую степень наслаждения жизнью, удовлетворения ею, беззаботности. Здесь мы имеем дело с фразеологизмами, возникшими в результате метафоризации, приема, который часто используется при экспрессивных названиях человека, связанных с окружающим его миром, явлениями повседневной жизни, повседневным занятием человека, его профессиональной деятельностью (Stevović 2017: 70).

Приведем еще одно переносное значение у турцизма *agovati* – ‘приказывать, распоряжаться, ожидая послушания и выполнения требований от других людей; раздавать поручения а самому блаженствовать в бездельи’. Семантика ‘ничего не делать’ актуализируется в ФЕ *sa dušeka agovati* – ‘раздать указания и пребывать в праздности’. В состав этой ФЕ входит еще один турцизм – *dušek* – в значении: 1) ‘толстая, мягкая подстилка (обычно набитая вычесанной шерстью), на которой лежат; ковер для лежания’; 2) ‘подстилка на кровати, матрац, соломенный матрац, тюфяк’ (< осм.-тур. *döşek* с теми же значениями). Образность восходит к традиции турецкого быта, где было и остается обычным времяпрепровождением возлежание на матрацах и коврах за чашкой чая либо с кальяном как некий образ бездумного отдыха или пребывания в философских размышлениях о каких-либо абстрактных материях. Многим народам, исповедующим христианство, известно новозаветное выражение серб. *кесарю кесарево /а Божије Богу (Богу Богово)*, т.е. ‘каждому по его заслугам, общественному положению, рангу’ с разными лексическими вариациями (русс. *Богово Богу, а кесарево кесарю. Божье Богу, а царево царю*; серб. *Цару царево, а богу божје навјек и амин; Цару царево, Богу Божје; Цару царево, нама наше*; диал. *ћесарево ћесару, и Божје Богу*; польск. *Cesarzowi, co cesarskie, a Bogu, co boskie* и т.д.), но только в языке боснийских мусульман наряду с *caru carevo, kralju kraljevo, bogu božje /a meni moje/; evo caru carevo, evo bogu božije* мы встречаем варианты конструкции со специфичными для рассматриваемого региона компонентами-ориентализмами *agi agino, begu begovo* или *hadžiji hadžijino... a meni moje* (Хмелевский 2015: 82).

3 ФЕ с ориентализмами, называющими человека в связи с мусульманскими реалиями

Лексема исконно персидского происхождения *hodža/hadža* (от осм.-тур. *hoca, hāce* < перс. *xāǰe*) – ‘почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку и Медину’, ‘человек высокого положения’, ‘великий, известный человек, выделяющийся своими способностями’, ‘праведный человек’, ‘авторитетный человек, образец для подражания’, т.е. тот, с кого берут пример, а также ‘богатый человек’, ‘торговец’. Исторически это слово имело терминологическое значение ‘высокий государственный чиновник в бывшей Османской империи; министр; правитель края’. В речи боснийских

мусульман эта лексема встречается в следующих значениях: 1) ‘о том, кто образован и профессионально уполномочен выступать предводителем верующих в различных религиозных обрядах; следит за религиозной жизнью в рамках джамаата; имам, эфенди’; 2) ‘тот, кто образован в религиозном плане’; 3) ‘преподаватель мусульманского религиозного учения; преподаватель религии’; 4) ‘тот, кто составляет записки людям, чтобы защитить их от разных болезней, сглаза, заговоров’ (Šehović, Haverić 2017: 110). Переносное жаргонное значение – ‘богатый, знатный, влиятельный человек’ – обыгрывается в ФЕ *ili si bos, ili si hodžija* (букв. или ты бос, или ты ходжа), что синонимично русск. *Либо пан, либо пропал* (Хмелевский 2015: 82). Слово встречается в боснийском языковом ареале в такой ФЕ, как *učiti hodžu da klanja raditi* (букв. учить хаджи делать поклоны) – ‘о том, кто совершает бесполезную работу, напрасно делает свою работу’. В этой связи следует привести еще одну ФЕ с тем же компонентом – *igra oko hodžina jorgana* (букв. ‘играет, т.е. заигрывает около одеяла ходжи’, где турцизм *jorgan* – ‘стеганое хлопковое или шелковое одеяло’). Данное устойчивое выражение употребляется в значении ‘соперничать с кем-либо в стремлении обмануть, оставить в дураках’.

Для паломника, совершающего хадж, т.е. паломничество по мусульманским святым местам за другого человека, употребляется лексема *bedel* (< араб. мн. *badal* ‘замена; компенсация’), которая имеет переносное значение ‘возмещение убытка, вознаграждение за потери’. В речи боснийских мусульман это слово имеет и другое значение, ныне устаревшее – ‘наемник (напр., в армии)’. Слово встречается и в таких ФЕ, как *isturiti ispred sebe bedele* (букв. выдвинуть перед собой «бедея»), а также *zakloniti se iza koga bedele* с семантикой ‘спрятаться за кем-либо’. Перенос значения ФЕ объясняется ассоциацией ‘сделать что-л. важное для кого-л., за кого-л.’, напр., пойти служить вместо кого-л. (что было обычно в австро-венгерской армии, где, напр., вместо сына мог пойти служить его родственник и даже отец) или совершить паломничество вместо кого-либо.

Часть боснийских ФЕ содержит в своем составе мусульманские культурологические концепты. Так, ФЕ *ni šehid ni gazija* (букв. ‘ни шахид ни газий’) употребляется в значении ‘бесхарактерный, ничего не стоящий человек’ (ср. рус. *ни то ни се; ни рыба ни мясо*). Два значения в арабском языке могут прояснить мотивировку возникновения образа этой ФЕ: *šehid* (< осм.-тур. *šehīt, šehīd* < араб. *šahīd* – ‘свидетель, мученик, умерший, жертва’): 1) ‘верующий, погибший на войне, защищая ислам’; 2) ‘погибший на войне, защищая свою родину, семью, честь и т.п.’; 3) ‘тот, кто убит, казнен за что-то, будучи невиновным, невинным; мученик’ и *gazija* (от осм.-тур. *gāzī* < араб. *gāzīn* ‘завоеватель, захватчик; нападающий; воин’), точнее – пострадавший за веру (Кузнецова 2019а: 76).

Слово *dušman* (< осм.-тур. *düşman* < перс. *došman* ‘враг, душман’) употребляется в языке боснийцев в значении ‘заклятый, жестокий враг; злодей, мучитель’ и имеет переносную семантику ‘рак, опухоль’. В прямом значении лексема употребляется в ФЕ *dušmanu kesu puniti* (букв. ‘душману кошелек/пакет с продуктами наполнять’), т.е. ‘материально помогать врагу’, *davati dušmanu mač (pušku, sablju)* (букв. ‘давать душману меч (ружье, саблю)’), т.е.

‘помогать врагу своей неосмотрительностью’, *pomoći (dati) i crnom dušmanu* (букв. ‘помочь (дать, т.е. подать) грязному, несчастному, обездоленному врагу/душману’). Эта ФЕ также употребляется и в переносном значении ‘помочь всякому, любому, кто этого не заслуживает’. Устойчивая единица с этим же компонентом фиксируется и в идиоме *biti sam svoj dušmanin* (букв. ‘быть самому себе душманом’, т.е. врагом) – ‘эгоистично делать что-л. только для себя’. ФЕ *nek puknu dušmani* (букв. пусть треснут, т.е. ‘исчезнут враги’) в значении ‘сделать на зло что-л. всем врагам, завистникам’ и ее вариант *nek odu svi dušmani* – ‘пусть исчезнут все враги, уйдут все чужаки’ тоже содержат эту лексему. У южных славян христианского вероисповедания слово *dušmanin* имеет дополнительную сему, а именно ‘человек иного вероисповедания, т.е., мусульманин’.

В разговорном языке, просторечии и жаргоне боснийских мусульман встречаем и ФЕ *bečki kaur* (букв. ‘венский гяур’) – ‘хитрый, коварный, умеющий приспособиться ради собственной выгоды человек, жулик, лицемер’. Образ мотивирован, скорее всего, историческими событиями: по Сан-Стефанскому миру, заключенному между Россией и султанской Турцией после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Босния и Герцеговина стали автономиями, но затем Австро-Венгрия сначала оккупировала их в 1878 г. по Берлинскому трактату аннексировала эти земли, что не могло не вызвать недовольство населения. Слово *kaur, kaurin (đaur, đaurin)* (< осм.-тур. *gāvur* < перс. *gabr* ‘астролог, звездочет’, а также ‘иноверец, неверующий, иноверный’) имеет семантику ‘человек не мусульманского вероисповедания’ (ср. русск. *гяур*) – понятие в исламской догматике ‘неверие в существование Аллаха и пророка Мухаммеда’ (Крысин 2008: 98).

Причем, если для боснийца, исповедующего ислам, *kaur, kaurin, kafir, ćafir*, (презрительно *đavur*) – ‘гяур’ – это человек, не верующий в Аллаха и Мухаммеда, т.е. христианин, а в переносном значении с пренебрежительным оттенком означает любого иностранца, чужака, неприятеля, предателя, обманщика (*bečki kaur*), то у славянских христиан слово хорв., серб. *Turčin, nevjernik*, словенск. *Turek nevernik, dedni nevernik* – ‘наследственный неверующий’ и т.п. может относиться к любому балканцу-славянину, исповедующему ислам, без отношения к его этническому происхождению. Сравним образ «турка» (т.е. чужака не по этническому, а по религиозному признаку) во фразеологизмах и метафорах у христианских славян: серб., хорв. *biti gori od Turčina* – ‘о плохом человеке’, *lagati/psovati/pušiti kao Turčin* – ‘лгать/ругать/курить как турок, т.е. много’, *prolaziti kao pored turskog groblja* – ‘не замечать’, словенск. *grozoviti tiran, tvoje cerkve sovražnik, grozoviti križejni pes, najhujši tiran i bes, turška pomoč* и т.п., что исторически связано с боязнью христиан перед османами и славянами-мусульманами (Jelovšek 2019: 171, 177–178).

4 ФЕ с мусульманскими ориентализмами-реалиями, которые называют человека

ФЕ *Biti ašik nekom, na nekog* – букв. ‘быть нежным, ласковым к кому-либо’ (тур. *ašik* < араб. *āšig* ‘целовать, любить кого-л.’). В прямом значении

у боснийцев эта лексема встречается в значении ‘трубадур, исполнитель грустных песен о любви’, а в переносном – ‘влюбленный молодой человек’.

ФЕ *mjesto tu je u vrh sofre* (араб. *sufra*, тур. *sofra* «большой стол») встречается в значении ‘об уважаемом в семье человеке (обычно пожилым, почитаемым), место которому во главе стола во время семейного обеда’, где *sofra* дополнительно имеет метафорическое значение ‘богато накрытый стол с традиционными боснийскими блюдами и напитками в ожидании гостей’.

Одна из боснийских реалий отражена также и в пословице *ne kolju horoz što pjeva, nego što pjeva u nevakat* – букв. ‘не казнят поэта за то, что он пишет стихи не в угоду власти’. Данное выражение появилось как историческая аллюзия на боснийского поэта Ильхамия Зепчака, который в 1821 г. написал стихотворение, раскритиковал режим тогдашнего османского правления. Значение современной ФЕ – ‘писатели страдают не за то, что они пишут, а за то, что они пишут не в угоду властям’, где *horoz* ‘петух’ (переносное значение ‘певец, поэт’; < осм.-тур. *horoz, horos, horus* < перс. *xorūs* – зоол. *петух*), а тюркизм *nevakat* означает ‘несвоевременно’ (Šiljak-Jesenković 2003).

6 Выводы

Вышеизложенный и прокомментированный здесь с лингвистической и культурологической точек зрения языковой и фразеологический материал ярко иллюстрирует, как заимствования из ориентальных языков проникали через турецкий в южнославянские, в частности в речь славян, принявших ислам, у которых частотность употребления ориентализмов выше, чем у соседних народов, исповедующих другие религии. Несмотря на то, что некоторые проанализированные в статье ФЕ фиксируются также сербскими, хорватскими и македонскими лексикографическими источниками, их узнаваемость и распространенность использования в живой разговорной речи типична именно для языка боснийских мусульман. А лексика, застывшая в ФЕ, ярко иллюстрирует факт проникновения османской культуры, ее обычаев, традиций и реалий в быт народов Южной Славии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анна Геннадиевна БОДРОВА, 2016: Оппозиция «Восток-Запад» в травелогах Альмы Карлин. *Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI веков*. Нижний Новгород: НГУ им. Н. И. Лобачевского. 593–600.
- Аделаида Игоревна БУШЕЕВА, 2006: Еще раз об ориентализмах. *Материалы научной конференции ТГГПУ*. Казань: ТГГПУ. 23–27.
- Василий Георгиевич ЕГОРОВ, 1964: *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Леонид Петрович КРЫСИН, 2008. *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Эксмо.
- Ирина Владимировна КУЗНЕЦОВА, 2019а: Ориентализмы-антропонимы в южнославянских устойчивых сравнениях. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 64/1, 71–83.

—, 2019b: Ориентализмы-названия титулов и должностей в устойчивых сравнениях южных славян (на фоне других языков). *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii* 88/4, 432–439.

Александр Викторович САВЧЕНКО, Михаил Сергеевич ХМЕЛЕВСКИЙ, 2020: Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* 11/3, 546–560.

Ирина Александровна СЕДАКОВА, 2014: *Седакова И. А.* Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме. *Славянский альманах*. Москва: Индрик. 553–562.

Михаил Сергеевич ХМЕЛЕВСКИЙ, 2015: Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 60/1, 79–86.

СИС, 1988: *Словарь иностранных слов*. Москва: Русский язык.

Ekrem ČAUŠEVIĆ, 1991: 'Bosanski' turski i njegova autentična obilježja. *Prilozi za orijentalnu filologiju* 41, 385–394.

Alenka JELOVŠEK, 2019: Poimenovanja Turkov in muslimanov pri Trubarju in drugih protestantskih piscih 16. stoletja. *Slavia Centralis* 12/1, 169–181.

Irena STEVOVIĆ, 2017: Nastanak frazema putem semantičkih figura. *Slavia Centralis* 10/2, 67–84.

Edina SOLAK, Mirza BAŠIĆ, 2019: Motiviranost značenja turskih i bosanskih somatskih frazema koji se povezuju s čovjekovim osobinama. *Književni jezik* 30, 301–328.

Amela ŠEHOVIĆ, Đenita HAVERIĆ, 2017: *Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika*. Sarajevo: Filozofski fakultet. El. knjiga, 20. 4. 2021: http://www.ff-eizdavastvo.ba/Books/LESIKA_ORIJENTALNOG_PORIJEKLA_U_FRAZEMAMA_BOSANSKOG_JEZIKA.pdf.

Amina ŠILJAK-JESENKOVIĆ, 2003: *Nad turskim i bosanskim frazikonom: semantički, sintaktički, lingvostilistički i sociolingvistički aspekt*. Sarajevo: Orijentalni institut u Sarajevu.

Abdulah ŠKALJIĆ, 1966: *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svjetlost.

LEKSEMI ORIENTALSKEGA IZVORA V FRAZEMIH, VEZANIH NA ČLOVEKA, V JEZIKU SLOVANSKIH MUSLIMANOV V BOSNI

Gre za analizo orientalizmov kot sestavin frazeoloških enot v jeziku bosanskih Slovanov, ki so se v srednjem veku spreobrnil v islam in posledično prevzeli orientalsko kulturo, miselnost, tradicijo in način življenja. Vloga orientalskih leksemov na ravni besednih zvez je opazna tudi v frazeologiji, kar ponazarja jezikovno gradivo članka.

Muslimanske enklave na slovanskem Balkanu so edinstven pojav v slovanskem svetu. Posledično se sčasoma poleg *Slavie orthodoxa* in *Slavie catholica* na Balkanu oblikuje univerzalni etnos (tudi poseben slovanski svet), kot so muslimanski Slovani, ki živijo na ozemlju sodobne Bosne in tudi Črne gore ter južne Srbije že od 16. stoletja – gre za t. i. *Slavio muslim*.

V razpravi so predstavljeni in analizirani primeri iz slovarjev, leposlovja in iz pogovornega jezika bosanskih muslimanov ter iz zapisov govora v znanstvenih jezikoslovnih raziskavah v Bosni in Hercegovini ter v drugih muslimanskih regijah Balkana (2010–2019). Jezikovno gradivo je razvrščeno v skupine glede na frazeološke enote s sestavino orientalskega izvora, vezano na človeka, in sicer glede na: (1) intelekt, (2) položaj in (3) muslimansko mentaliteto v okviru muslimanske vsakdanje kulture, religije in načina življenja. Jezikovno in frazeološko gradivo je komentirano tudi s kulturološkega vidika. Preverjeno je, kako je prevzemanje iz

orientalskih jezikov prodiralo preko turščine, obenem pa so se prevzemali tudi koncepti vzhodne kulture, običajev, tradicij in stvarnosti. Veliko takih primerov je v srbskem in hrvaškem jeziku, razprava pa je osredinjena na pogosto uporabo teh frazeoloških enot v govorjenem jeziku muslimanov v Bosni in njihovo prepoznavanje med govorniki.
